

<ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ>

Послание митрополиту Никону о смерти патриарха Иосифа

<Фрагмент>

*Список с статейнаго списка слово в слово о принесении мощей
в царствующий град Москву Иева, патриарха московскаго
и всеа Руси чудотворца, и о представлении Иосифа, патриарха
московскаго и всеа Руси, каков статейной список прислан
от государя царя и великого князя Алексея Михайловича
всеа Руси на дорогу, едучи с Соловков, к великому господину
преосвященному митрополиту великого Новаграда и Великих
Лук с московским сотником*

Нынешняго 160-го (1652) году принесли великого святителя Иева¹ патриарха мощи априлия в 5 день в понедельник шестые недели часы в отдачу денные² в монастырь к пречистой богородицы Страстная³. А встречать посыланы ево святые мощи власти: митрополит казанский и свияжский Корнилей, архиепископ муромский и резанский Мисаило, архимандрит андроньевской Селиверст, спаской игумен из заветошнаго ряду, протопоп ис под колоколов да ис собору священник да диакон, да со властью встречали бояре наши — князь Алексей Никитичъ Трубецкой да князь Федор Семенович Куракин, да околничия наши князь Василей Григорьевичъ Ромодановской да Прокофей Федоровичъ Соковнин, да дьяк Семен Заборовской. А встретили те ево честные мощи в селе Тушине, за двенатцать верст до Москвы, по Иосифовской дороге. И ис Тушина несли на главах стрелцы до самой Москвы. А яз, многогрешный царь, встречал с патриархом и со всем освященным собором и со всем государством, от мала и до велика. И многолюдно таково было, что не вместилися от Тверских ворот по Неглинские ворота. И по кровлям, и по переулкам яблоку негде было упасть. А Пожар⁴ весь занят людьми пешими, нельзя ни проттить, ни проехать. А Кремль велел запереть. Ин и так

на злую силу* пронесли в собор, такая теснота была. Старые люди говорят, лет за семьдесят не помнят такой многолюдной встречи. А мощи Иева патриарха плоти есть не везде, понемногу: а глава цела, а плоти нет, не расселась, как богом сотворена, такова и есть. Шапка на главе вся цела, шитая. И жемчуг весь цел, и горностаи у шапки цел, толке мало почернел. Руки целы, пальцев нет.

И патриарх, наш отец, со мною жаловал, плачучи говорил: «Вот, де, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять — и по смерти слава». Да много плакал, мало не во всю дорогу до самого до собору.

И, пришедши, поставили в ногах у Иасафа патриарха⁵, на мосту наверху**. И оклали кирпичем, а сверху доска положена, а не заделана, для свидетельства⁶. Почели было свидетельствовать, да за грехи наши изволил бог отца нашего патриарха взять в вечное блаженство. И топере все стало, ожидаем тебя к свидетельству. А чудеса от него есть.

И как почели ево ставить на месте том, и отец наш говорит мне: «Кому ж в ногах у него лежать?» И я молвил: «Ермогена⁷ тут положим». И он, государь, молвил: «Пожалуй, де, государь, меня тут, грешнаго, погреть». И как отец наш преставися, и я, грешный, вспомянул ево государевы слова: как мне приказывал, где велел себя положить и место выпросил, только дня не ведал, в которой день бог изволишь взять. И мне, грешному, ево святительские слова в великое подивление, как есть он, государь, пророк, пророчествовал себе про смерть ту свою. Да с тех мест и заболел лихараткою, да трясла ево, ходячи по дням***. А к Вербному воскресенью и полехчало. Да пришел утин**** да грыжа. На злую силу ездил на ослати. А кручиноват***** добре был: *всюду* нихто не мог угодить, на всех кручинитца. Да и не служил сам, велел казанскому⁸ да властем. А за столом весел таков был. Сказывают, что не ведает, где детца.

Да на Страсной неделе посылал я в понедельник и во вторник о спасении^{6*} спрашивать, и он, государь, сам выходил да сказывал: «Есть, де, лехче. Прямая, де, лихаратка — и знобит, и в жар великой приводит».

Да во вторник ездил отпевать Ивана Григорьева сына Плещеева жену. «А отпевал, де, на злую силу, весь, де, черн в лице, — мне,

* Едва, насилиу.

** На помосте.

*** Целыми днями.

**** Боль в спине, пояснице.

***** Раздражителен.

6* О здорвье.

приехавши, сказывали, хто был на погребенье том, — гораздо, де, болен патриарх».

А в среду ту ни у заутрени, ни у обедни не был. А я тово и не ведал, что он гораздо болен. Да послал я Василья Бутурлина о спасении ево, великово святителя, спросить: «И ево, де, одва вывели. А говорит, де, хорошо».

И прииде мне в вечеру помышление тое ж среды, что поитить к нему мне навестить ево. А другое помышление мне прииде, что завтра, де, побываешь. И божиим изволением первое то помышление гораздо почало понуждать итить к нему. И, благословяся у отца своего духовнаго, пошел к нему тое ж среды в вечеру.

И пришел к нему за час до вечера, и дождался с час ево, государя, в Крестовой. И вывели ево одва ко мне. И идет мимо меня благословлять Василья Бутурлина. И Василей молвил ему: «Государь, де, стоять». И он, смотря на меня, спрашивает: «А где, де, государь?» И я ему известил: «Перед тобою, святителем, стою». И он, посмотря, молвил: «Поди, государь, к благословению», да и руку дал мне поцеловать. Да велел себя посадить на лавке, а сел по левую руку у меня, а по правую не сел — и сажал, да не сел. А вышел ко мне, знать, в самом злом знобу: как почело ево знобит, а он и вышел ко мне. Да спросил я ево, святителя, про болезнь, какая болезнь. И он сказал: «Лихаратка, де, зноби и тапере». А говорит з забытью, а иное замолчит да долго не говорит, а лихаратка та ево как не подыма^{*} знобит. И я учал ему говорить: «Такое то, великий святитель, наше житие: вчерась здорово, а ныне мертвы». И он, государь, молвил: «Ах, де, царь-государь, как человек здоров, так, де, мыслить живое. А как, де, приметь инде, ни до чево станет». И я ему, свету, молвил: «Не гораздо ли, государь, недомогаеш?» И он молвил как есть скрозь зубы: «Знать, де, что врагуша^{**} тресет и губы окунула⁹. Чаю, де, что покинет: и летось¹⁰ так же была».

И ты меня, грешнаго, прости, великий святитель и равно апостолом, и богомолец наш, преосвященная главо, в том, что яз ему не вспомянул о духовной и кому душу свою прикажет, и что про келейную казну¹¹ прикажет. И не вспомянул для тово в том, прости, великий святитель, обманула меня тем: я чаял, что впрям трясавица^{***}, ан впрям смертная. По языку тому признавался, что худо говорит и скрозь зубы. И помышлял себе, что гораздо болен, да положился на то, что знобит больно, то-то он и бес памяти. А се

* Не отпуская.

** Лихорадка.

*** Лихорадка.

и то мне на ум пришло великое сумнение: болезнь та на нем трясавишная, а мне молвить про духовную ту, и он помнит¹²: «вот, де, меня избывает», да станет сердечно гневатца. Да для тово в просто и положил, да то-то себе почаял: еще утре побываю у нево. И ты меня, великий святитель, для Христа прости мое согрешение, что постыдился вспомануть о преждеимянованной духовной и об ыных статьяx: чаял, что утре увижусь. И ты меня прости, ей не с хитрости сие дело сотворилося. Сатана запял* такое дело совершить. И я у тебя, великого святителя, прошу согрешением своим прощения и благословения и разрешения и сему моему согрешению. Дозде** да возвращуся на прежде реченное, да об отце своем¹³ повесть докончаю.

И посидя немного, я встал и ево поднял, и так ево почало знобить, не смог и достойно проговорить славу¹⁴, проговорил с отпуском насилу. Да почел ко мне прощения говорить, что говорят в среду на Страстной. И я ему отвечал по уставу, да сам почел прощение к нему творить да поклонился в землю ему, а он малой поклон сотворил да благословил меня, да велел себя весть провожать меня. А ноги те волочить на злую силу. И я стал и учал ево ворочать: «Воротися, государь, ей пуцце тебе будет». И он мне жалует, говорит: «Ино су, я тебя и в другоредь¹⁵ благословлю». И я молвил: «Пожалуй жа, государь великий святитель, благослови и третицею». И он пожаловал, и в третий благословил, да как благословить — и руку даст целовать и в херувим***. И я, благословясь, да поклонился в землю ему и поцеловал в ногу. И он, смотря на меня, благословляет и прощает. Да и воротился, да и повели ево в задние кельи, а я пошел к себе. Да молвил, оглянься: «Завтро, де, велю служить и действовать казанскому со властью. А на меня, де, не покручинься, не могу». И я молвил: «Добро, государь, вели ему, а сам поотдохни к Светлому воскресению».

И ento все делалось в среду на Страстной, в вечере. А наутре в четверг допевают у меня заутреню за полчаса до света, только начали перьвой час говорить, а Иван Кokoшилов ко мне в церковь бежит к Евдокее¹⁶, христовы мученицы, и почал меня звать: «Патриарх, де, кончатца».

И меня прости, великий святитель, и перьвой час велел без себя запевать, а сам с небольшими людьми побежал к нему. И прибежал к нему, а за мною резанской. Я в двери, а он в другие. А у нево

* Помешал.

** Теперь.

*** Херувим — изображение, нашитое на одежде.

толке протодьякон да отец духовной да Иван Кокошилов, со мною пришел, да келейник Ферапонт, и тот трех не смыслить перечесть, таков прост и себя не ведает. А опричь тово ни отнюдь никово нет. А ево, света, поновлял* отец духовной. И мы со архиепископом кликали и трясали за ручки те, чтоб промолвил, — отнюдь не говорит, толке глядит. А лихаратка та знобит, и дрожит весь, зуб о зуб бьет. И мы с архиепископом не могли роскликать и роспрашивали протодьякона, для чево вести ко мне не поведали и ко влаstem. И он почал говорить то: «Кабы, де, не я, государь, заставил сильно поновлять отца духовнаго, и он бы, де, так и ушел безо всего. Я, де, пришел к нему, а он, де, лежит без памяти, а отца духовнаго выслал вон. И он, де, стоите у дверей, не смеет и войтить. Я, де, почал говорить: «Для чево нейдешь?» И он, де, мне говорит: «Не смею, де, итьгить, станет, де, кручинитца». И я, де, закричал: «Хотя б, де, бил тебя, и ты б, де, шел к нему; видиш, де, и сам, что топере он в нецевелье**», потому болезнь та гораздо приняла ево». И Ивана тово, де, я сыскал, да послал по тебя, государя, и по казанскаго и по резанскаго». И мы спрашивали отца ево духовнаго, какво говорил в исповедании. И он сказал: «Горазда, де, тупо понавливался. Чуть, де, намечал». Да протодьякон сказывал: «Я, де, дав на великую силу розкликал, инде только и молвил: «Пошли, де, по государя», да и только. Да с тех, де, мест и по ся мест¹⁷ языка нет, как вы и пришли». И я и резанской почели кликать. И оне, государь, только очьми зрит на нас быстро, а не говорит: знатно то, что хочет молвить, да не сможет. Не могли раскликать никоими мерами. Как есть в лихаратке: как в жар кинет, так то он лежит в забытии. Неведома, какая болезнь та у него, святителя, была. Да мы с резанским да сели думать, как причащать ли ево — топере или нет. А се ждали казанскаго и прочих властей. И мы велели обедню петь раннею, чтоб причастить. Так казанской прибежал, да после вологодтцкой, чудовской, спаской, симоновской, богоявленской¹⁸ Мокей протопоп. Да почел кликать ево и не мог роскликать. А лежал на боку на левом. И переверотили ево на спину, и подняли главу ту ево повыше. А во утробе той знать как грыжа та ходит, слово в слово таково во утробе той ворошилось и ворчало, как у батюшка моево перед смертью. Так казанской учал говорить, чтоб причастить запасными дарами. И велел отцу духовному прощения перед всеми властьюми за него. И причащали ево, святителя, при мне казанской, резанской, отец духовной ево да протодьякон.

* Исповедовал.

** Без сознания.

А причащали ево власти без риз, в манатях¹⁹, без клабоков. А как пожаловали части, и ему уста разымал протодьякон, а он, государь, без памяти лежал, и после причастия почал он, государь, гораздо дышать больно. И почал отец ево духовной говорить: «Велел, де, себя маслом соборовать». И почали облачатца. И к освящению масла приехал вологодтцкой, и ростовской, и крутицкой, да андроньевской, да здвиженской²⁰ и иные прочие черные власти были в соборе²¹, приспел как час освящению и помазанию маслу. А отец духовной мой со мною вместе пришел, а причещали без него: он на час вышел. И почели первое Евангелие честь. А я у него стою, а возле меня стоит по правую сторону отце ево духовной, а мой отец духовной по левую сторону у него стоит, под руку ево под левую держит, опадывает рука та добре. И как прочел казанской и приложил ево, так после Евангелия тово почал гораздо быстро посмотреть на левую сторону ко властем, где масло то освящают. Да повел очми теми вверх, да почал с краю тово жатца к стене.

И меня прости, владыко святой, кой час почал пристаино и быстро посмотреть, и я узнал, что он видение видит. Не упомяну, где я читал: перед разлучением души от тела видит человек вся своя добрыя и злыя дела. И молвил я отцу ево духовному: «Видит отец наш некое видение». И он молвил: «Нет, де, полна, де, в *нецевелье* так смотрит». И я молвил: «Смотри, что будет. И сам не знаеш, что говоришь». И отцу духовному своему сказал, что видит некое видение. И он молвил: «Видит, де, нечто». А смотрел с четверть часа быстро со здом*. А смотрит все в потолок, *знатьна то*, что видит. И почал руками закрыватца и жатца к стене той и в угол; как стену ту не выломит?! И руки те вырвал у протопопа да почел закрыватца, да закрывал великим гласом, а неведома, што. Да почал хоронитца и жатца добре в угол. Походило добре на то, как хто ково бьет, а ково бьют — так то закрываетца. Так-то над ним, святителем, было. Да затрясся весь в ту пору и плакать почал и крычать так же. А смотрит вверх. Да было тово с полчетверти часа. До после крычания почнет и отходить. Двожды отходил, и отходную говорили, да опять очнулся, да почел тихнуть. А очи гораздо мутны стали с кричания. И я перед ним, проговоря прощения, да поцеловал в руку, да в землю поклонился.

Пошел к себе в пятом часу в ыходе, а казну келейную в чуланех и в полатах и домовую везде сам перепечатал после освящения масла. А у него, святителя, остался резанской да отец ево духовной, да ризничей, да спаской келарь Пафнотей Еропкин. А казанской

* Со вздохами.

со властью пошли готовитца к службе и начели в соборе в седмом часу вечерня. А у меня ту ж пору начели. И как начели петь в соборе, и как начели у меня вместо херувимской перьвой стих вечере твоей Тайне²² петь, а он, государь, в тот час преставися, осмаго часа в полы*. И пропели первой стих, и прибежал келарь спаской²³ и сказал мне: «Патриарха, де, государя, не стало». А в ту пору ударили в Царь-колокол три краты. И на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали, и то с слезами. А в соборе певчие и власти все со страху и ужаса ноги подломились, потому что хто преставился да к таким дням великим, ково мы, грешные, отбыли, яко овцы бес пастуха, не ведают, где детца. Так-та мы ныне, грешные, не ведаем, где главы приклоните, понеж преждево отца и пастыря отстали, а нового не имеем. И ты, владыко святой, помолись и с Васильем уродивым²⁴, сииречь нашим языком с Вавилом, чтоб господь бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему, свету, годен, имя вышеписанное²⁵. А ожидаем тебя, великого святителя, к выбору. А сего муж три человека ведают: я, да казанской митрополит, да отец мой духовной, тайне в пример. А сказывают, свят муж. А от зде да возвратимся на преждедеченное.

И отпевши обедню, пришел к нему, свету, а он, государь, уже преставися: лежит, как есть жив, и борода розчесана, лежит, как есть у живова. А сам немерна хорош. И простяся с ним, и поцеловав в руку, и пошел к умовение ногам. А ево, государя, приказал готовить погребалная резанскому архиепископу да архимандриту андроньевскому, да отцу ево духовному. А те все власти были в служба. И после умовения с казанским митрополитом с Корнилием и со всеми властью приговорили выносить на завтрене в пятницу в Великую к Риз положенью, до чесов²⁶. Да вынесчи, и по мощи поитить к Благовещению богородицы.

И пришли по нево часу в пятом дни, а он, свет, как есть жив лежит, и веры не иметца, что он, государь отце наше, преставился: таков хорош лежит во гробе — только не говорит. А облачали ево, света, все власти: казанской митрополит с товарицы. И вынесли ево, света, к Риз положенью и, вынесши ево, пошли по мощи к Благовещению.

И ввечеру тово пятка** пошел я з женою и с сестрами к Благовещению к святым мощам²⁷ и в собор к Гробу Господню²⁸ знаменатца и с отцом нашим Иосифом патриархом проститися и прощение получитьи. И из собору пошел сам один, наперед преж их

* В половине восьмого.

** Пятницы.

к Риз выслать сидельцов. Да пришел я к дверем полунощным*, а у нево отнюдь никакова сидельца нет. Кому велел быть игумном, те все розехались, и я их велел смирять** митрополиту. Да такой грех, владыко святой, — ково жаловал, те ради ево смерти; лутчей новинской игумен²⁹, тот первой поехал от нево домой, а детей боярских я смирял сколько бог помочи дал. А над ним один священник говорит Псалтырь, и тот говорит во всю голову, кричит, и двери все отворил.

И я почел ему говорить: «Для чево ты не по подобию говоришь?» «Прости, де, государь, страх нашел великой. А во утробе, де, государь, у нево, святителя, безмерно шумело больно грыжа до тебя, государя. То-то, де, меня и страх взял». А у нево, государя, живот взнесло с поларшина из гроба, знать утробы той ево. А как преставился и вынесли, и у нево, света, отнюдь живота не знать было из гроба, только голова одна наруже была. Да священник же почел мне сказывать: «Часы, де, в отдачу, вдруг взнесло живот у нево, государя, и лицо в ту ж пору почело пухнуть. То-то, де, меня и страх взял. Я, де, чаел — ожил. Для тово, де, я и двери отворил, хотел бежать». И меня прости, владыко святой, от ево речей страх такой нашел, едва с ног не свалился. А се и при мне грыжа та ходит прытко добре в животе, как есть у живоно. Да и мне прииде помышление такое от врага: побегу, д, ты вон, тот час, де, тебя, вскоча, удавит. А нас только я да священник тот, которой Псалтырь говорит. И я, перекрестясь, да взял за руку ево, света, и стал целовать, а во уме держу то слово: «от земли создан и в землю идет, чево бояться?» Да руку ево хочу покинуть, а сам смотрю на лицо ево, и он безмерно пухнет. Борода та вся зжалась, а лицо розно пухнет. Да в ту ж пору как есть треснуло, так та у нево во устех нежид-от*** треснул. Да и уста те стало воротить при мне розно. А нежид-то пошел изо уст, и из ноздрей кровь живая. И я досталь испужался, да поостоялся, так мне полехчело от страху. Да тем себя и оживил, что за руку ту ево с молитвою взял. Да и дух почел великой быть.

А жена и сестры отнюдь не испужались, а блиско блюлись подойти. Безмерно владыка святой страшен в лице том стал, лицу тому у нево, света, единым часом доспелось****. И я оставилсидет и ночевать чудовского келаря Феодосия. И пришел келарь чудовской в помощь против субботы и почел мне говорить: «Нежиду, де, добре много идет».

* Северным.

** Наказывать.

*** Гной, сукровица.

**** Изменилось.

И меня прости, владыко святой, велел тайно ему одному да отцу ево духовному знаменскому игумну провертеть в ногах. И шел нежи во всю ночь, течмя шол. Мы чаели, что и не престанет. Стал с казанским митрополитом тужить. И содетель наш и творец свыше нас делает: как часы отдали денные, в субботу в Великую, а у него и престал итить нежит. Так мы поранее обедню ту, положась на волю божию, для тово и велели в пятом часу дни благовестить, блюлись тово: человек сырой, а се не вылежал, ни выболил. Блюлись долго не хоронить и так бес престани и в головах, и в ногах ладоню окуривали. Горшки стояли с ладоню, ин и так дух-от слышет. Не так, что по всей церкви, а саженех в двух слышет — ладон столбом идет, а духу тово не задушить. А погребли в одиннатцатом часу дни, от-служба с ним обедню, и по заамбонней молитве³⁰ вынесли и погребение совершили. А он стоял покрыт весь, только шапка одна наруже была непокрыта, да рука вынета ис-под покрова для целования. А целовали мы в шапку да в руку, а лица отнюдь никоими мерами нельзя было открыть: ведомо, владыко святой, тело *перстно** есть, да мы, малодушнии, тот час станем осуждать да переговаривать³¹. Для того и не открыли лица.

Да как ево, государя, переложили во гроб, так стал казанской митрополит грамоту разрешительную говорить <...>.

<...> А прочетчи, положил в правую руку, а в левую список рукописание ево лет. И положи, благословил рукою да поцеловал в руку. И мы, владыко святой, надселися, плачучи. Ково хто благословляет? Сын отца разрешает, и благословляет. И в ту пору плакали все, как грамоту чел, а то и досталь, надселися все, плачучи отца нашего, как так изволил взять.

А мне, перьвому грешному и мерскому, которая мука не ждет, ей все ожидают меня за злые дела. И достоин, окаянный, тем мукам за своя согрешения.

А бояре и власти то ж все говорили промежу себя. Не была такова человека, которой не плакал, на нево смотря, потому — вчера с нами, а ныне безгласен лежит. А се к таким великим дням стало, а отец духовной тое ж разрешительную молитву говорил, тайно подшетчи к нему преж спускания в землю, как начели канон на погребение петь. Да такой грех, владыко святой, — погребли *без звону*³², все позабыли в страхе. Я вспаметовал, как почели поклоны класть за нево, так я велел звонить после погребения, доколе мы все поклоны клали. А в ту пору звонили, а прежних патриархов з звоном погребали.

* Тленно.

А как я от него пошел, от живово, в четверг, и после меня, сказывали мне резанской архиепископ со товарищи: «Двожды, де, недуг имал патриарха бес тебя страшным обычаем да того зжался з двожды прытко и отшел ко господу богу». А как, владыко святой, маслом ево, света, соборовали, и как отец ево духовной прощения стал за него говорить ко всем властем большее и рукоположение поминал, и он, свет, гледит на них, а не говорит.

То-то слезно, владыко святой, и проговоря, поклонился в землю. А казанской митрополит и все власти едва возмогли ответ сотворити, ей, владыко святой, едва голосами не вскрикнули, плачучи: как жив смотрит, а ответа не творит. Все люди около ево стряпают*. Меня прости, владыко святой, надселися, плачучи, на нево, света, смотря, а свои грехи воспоминаючи, и которые от ближних были, со мною все перервались, плачучи, а всех пущи — Трубецкой да князь Михайло Одоевской, да Михайло Ртищев, да Василей Бутурлин. Плакали по нем, государе, что как бог изволил скорым обычаем взять и свои грехи воспоминаючи. <...>

* Хлопочут.